

Священная, таинственная игра. Настолько серьезная, что почти уже и не игра. Если стигматы *Франциска* — жизнь, а не символ, то *помазание елеем* груди — это прежде всего магическое действие, ибо знак креста, начертанный елеем, должен закрыть доступ дьяволу. Символ как культовый момент.

Символически обозначить вещь — это приблизиться к раскрытию истины. Символотворчество — процедура эвристическая, но лишь тогда, когда истина прямо не дана. В литургии же все ясно с самого начала. Обретенные истины — от бога. Вещь обозначается (*significatur*), и в ходе такого вот многократного обозначительства бездонная глубина таинственного стапожится песчаной отмелью истинного.

Средневековое комментаторство нацелено в конечном счете на истину. *Иоахим Флорский*, замечает Л. П. Карсавин, только и делал, что переворачивал и перетолковывал священные тексты, а результат — истина (там же). Сам же метод этого *переворачивания* — символотворческий метод — привнесен из оккультных алхимических задворок (*Nota bene*: средневековых алхимических задворок!). Символическая игра-комментирование — гарант истинности прочтения текста, ибо игра эта священна (стала священной, поскольку приложена к священному тексту!).

Мир необходим и неизменен. Течение мира непреложно. Чудо — существенный феномен этого мира. Но ни непреложность мира, ни чудо из собственно символизма не вытекают; в некотором смысле противостоят ему, как противостоит неупорядоченная множественность исполненной порядка целокупности. Христианский миропорядок из алхимического символизма не выводим. Символизм колеблет и эсхатологизм христианского средневековья.

Вместе с тем децентрализация, беспорядочность алхимического символотворческого космоса оборачивается жесткостью сварных конструкций законченных в самих себе фрагментов-символов, составляющих этот вот неупорядоченный изобретенный космос алхимиков (астрологов, впрочем, тоже). Однако если алхимический космос исчерпывал все, то космос астрологов — все-таки под богом. Астрологический миропорядок с его символической парой констелляция — человеческая судьба ограничивает христианскую *свободу воли*. Претензии астрологии на некоторую самостоятельность и есть следствие этого ограничения. Стало быть, символическое мышление — в некотором роде демонически богоборческое мышление. Бог выше законов природы, но действует через законы природы. Вот почему астрология демонична не вполне. Ее самостоятельность простирается до известных, богом предуготованных пределов. Алхимия решительней.

Рафинированный символизм, вторгаясь в несимволическую жизнь неалхимического средневековья, огрубляет, приземляет: низводит ее до притчи (символическая *экзегеза*, быт *миноритов* времен самого *Франциска*, грубоватые притчи *Эгидия*). И тогда символические иносказания усматриваются без труда. Таким образом, символизм средневековья —